

И С Т О Р И Я   В   О Д Н О М   Т О М Е

Cicely Veronica Wedgwood

THE THIRTY YEARS WAR

Сесили Вероника Веджвуд

ИСТОРИЯ

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

История войны, изменившей Европу

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(4)“1618/48”
ББК 63.3(4)5
В26

Серия «История в одном томе»

Cicely Veronica Wedgwood

THE THIRTY YEARS WAR

Перевод с английского *И. В. Лобанова*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения The Estate of C.V. Wedgwood
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Веджвуд, Сесили Вероника.

В26 Тридцатилетняя война / Сесили Вероника Веджвуд ; [пер. с англ. И. В. Лобанова]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 576 с. — (История в одном томе).

ISBN 978-5-17-091381-7

XVII век...

Распри между протестантами и католиками, территориальные претензии друг к другу европейских правителей, противостояние Бурбонов и Габсбургов — все это привело к масштабной Тридцатилетней войне.

С 1618 по 1648 год военные действия охватили всю Европу — от Испании до Швеции.

В результате войны экономическая жизнь и торговля вымерли в большинстве городов Богемии, население Германии сократилось на три четверти, а территория уменьшилась.

Не решившая ни одной проблемы, беспощадная и бесчестная, губительная и фактически безрезультатная, эта война вошла в историю как выдающийся пример бессмысленного кровопролития. А книга С.В. Веджвуд — лучшее из того, что было создано по этой теме.

УДК 94(4)“1618/48”
ББК63.3(4)5

© The Estate of C.V. Wedgwood, 1938

© Перевод. И.В. Лобанов, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-091381-7

Посвящается
Р. Л. В. и Дж. В. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Веронике Веджвуд не исполнилось и тридцати лет, когда вышла в свет ее «Тридцатилетняя война». Однако уже в этом исследовании она проявила себя как состоявшийся, зрелый автор и по содержанию, и по стилю изложения. Веджвуд опирается только на факты и обращается к первоисточникам, изданным на многих иностранных языках, а не к сентенциям каких-нибудь современных «докторов Штумпфнаделей». Автору удалось выстроить ясную и четкую сюжетную линию повествования о столь разбросанной и хаотичной войне, длившейся с 1618 до 1648 года, а понять ее можно только через призму политических интересов и маневров монарших дворов и переговоров, касавшихся десятка держав. На передний план выходят немислимые человеческие страдания.

Веджвуд пишет изящно, плавно, динамично и удивительно просто, в ее повествовании замыслы мрачных государей предстают так же зримо, как мытарства наемников, замерзающих в открытом поле, или крестьян, у которых те же наемники отбирают скот и урожай. Ее рассказ во второй главе о первом серьезном столкновении — дефенестрации¹ в Праге — исполнен почти как кинодокумент. Невозможно

---

¹ От fenestra — окно (*лат.*). Акт выбрасывания кого-либо из окна. — *Примеч. ред.*

забыть этот инцидент — католических членов чешского сейма выбрасывают в окно замка в Градчанах, и они остаются живы только потому, что падают на кучу гниющего навоза. Несколькими емкими, яркими фразами автор создает художественный образ, равноценный крупному плану в кино: «Славата продержался дольше под градом кулаков, цепляясь за раму и взывая к Пресвятой Богородице, пока кто-то не ударил его так, что он потерял сознание, окровавленные руки разжались, и его тело тоже рухнуло в ров». Такой художественной силой, образностью и детализацией пронизано все ее печальное повествование о человеческих заблуждениях, безрассудстве, самообмане, плутовстве и жажде разрушать и убивать.

Поразительны и литературный стиль молодого автора, и понимание Германии XVII века, ее барочного великолепия и нищеты. Веджвуд особое внимание уделяет личностям — и великим и менее великим, которые, по ее мнению, определяли развитие событий в этот период. В равной мере интересны ее замечания о быте и социально-экономических условиях того времени — к примеру, о том, что «неадекватность каналов передачи информации исключала возможность действительного участия в политике общественного мнения». В кратких, но основанных на дотошных исследованиях зарисовках, таких же убедительных и обстоятельных, как и очерки об исторических событиях, рассказывается о жизни в городах и деревнях, в войсках, об организации армий и военной тактике, о церковных конфликтах и теологии, об «охоте на ведьм». Тем не менее Веджвуд не берется за объяснение причин этой войны, она просто излагает ее историю. Автор не претендует на то, чтобы дать более глубокое толкование истоков и перипетий тридцатилетнего противоборства. По ее мнению, большинство участников конфликта не имели каких-либо высоких целей, случайности определяли и начало войны, и исход. Вердикт автора звучит как латинская эпитафия: «Морально отвратительная, экономически разрушительная, социально губительная, преследовавшая

малопонятные цели, бесчестная и фактически безрезультатная, эта война вошла в историю Европы как выдающийся пример бессмысленного кровопролития». В этом утверждении слышны викторианские нотки, но они были актуальны и в XX столетии, и очень современны сегодня — по крайней мере в отношении бессмысленности войны, — и гораздо правильнее многих заявлений, которые делаются в наше время.

Историком и писателем Веджвуд стала не случайно. Она родилась в семье известного основателя керамического дела в Англии и в детстве много путешествовала с отцом, деятельным управляющим железными дорогами. Вероника училась в частной школе в Лондоне и у гувернанток и, прежде чем поступить в Оксфорд, освоила немецкий и французский языки на континенте. В Оксфорде она произвела большое впечатление на своего преподавателя А. Л. Рауса, сдала с отличием экзамены на степень бакалавра сначала по классической филологии, а потом по истории. Затем Веджвуд приготовилась к тому, чтобы работать над диссертацией с Р. Х. Тони, христианским социалистом и начинающим исследователем в области социально-экономической истории. Перед ней открывалась дорога в большую науку, и она какое-то время давала уроки в Сомервильском колледже Оксфордского университета. Однако Веджвуд не пожелала надевать на себя смирительную рубашку академизма. Она, как и многие представители ее поколения, унаследовала что-то от беспредельной любознательности и отваги великих деятелей Викторианской эпохи, несмотря на скептическое отношение к их религиозным и политическим ценностям. С детства Вероника питала страсть к книгам по истории, которые она находила в богатейшей библиотеке отца, и уже любила сочинять.

«К тому времени, когда мне исполнилось двенадцать лет, — вспоминала позднее Веджвуд, — я обнаружила, что пишу слишком легко и быстро. Тогда были особые блокноты, называвшиеся «Маммот», две сотни листов, кварто,

линованные, и они разлетались, как будто их ветром сдувало».

Отец предложил ей заняться историей. «Даже из плохого писателя может получиться полезный историк», — сказал он. Не без его содействия образовался круг друзей, в числе которых оказались Дж. Э. Мур (философ), Ральф Воан-Уильямс (композитор и дирижер), Дж. М. Тревельян (историк). В один из уик-эндов Тревельян и высказал идею бросить скучную, нудную диссертацию и написать о Томасе Уэнтворте, графе Страффорде, побуждавшем короля Карла I к утверждению в Англии абсолютной власти. Веджвуд с головой окунулась в исследование, подготовив вскоре первый вариант биографии Уэнтворта, который сама же впоследствии назвала Веду Мехте «слишком женским и сентиментальным». С помощью Джона Нила она переделала свой опус, и получилось острое и увлекательное жизнеописание государственного деятеля, презираемого большинством историков с того времени, когда Долгий парламент приговорил его к казни в 1641 году.

С 1935 года, когда издатель Джонатан Кейп опубликовал ее первую книгу, Веджвуд уже могла считать, что с профессией определилась. «Тридцатилетняя война», вышедшая через три года после «Страффорда» и получившая широкое признание, подтвердила: в Англии появился новый серьезный писатель-историк. Если не хватало гонораров от книг, а это случалось, то она зарабатывала на жизнь, «очень и очень неплохо», статьями для женского еженедельника «Тайм энд тайд» и газеты «Дейли телеграф» и переводами (в частности, «Аутодафе» Элиаса Канетти). В отличие от ученых академического склада, пытавшихся разобраться в том, *почему* произошли те или иные исторические события, Веджвуд, предпочитала рассказывать о том, *как* они происходили. Она не стремилась к тому, чтобы вскрывать структурные, или социальные, или экономические причины, к примеру гражданской войны в Англии, а, используя яркие и живописные

детали, повествовать о ней в двух, довольно роялистских, из трех запланированных томов.

Веджвуд всегда отличалась пристрастием к историческим свидетельствам и документам. «Ничто не может соединить годы так зримо, как старые письма, — считала она, — случайные песчинки, приклеившиеся к чернилам на бумаге, отскочившие через триста лет и смешавшиеся со вчерашней пылью».

Когда стали доступны личные письма Страффорда — через три десятка лет после издания книги, — Веджвуд кардинально переработала его биографию. Писателя увлекал поиск не столько новых фактов, сколько деталей. Задолго до зарождения нового типа социально-культурной истории девяностых годов XX века Веджвуд в стиле Вирджинии Вулф поведала нам о том, какое одеяние было на Карле I во время его последнего рождественского представления театра масок в 1639 году, и обрисовала облик разбойника с большой дороги, сжато и образно передав дух эпохи.

Веджвуд присуще такое же заинтересованное отношение к человеку, его странностям, прихотям и невзгодам, какое отличало всех великих интеллектуалов ее времени, ее учителя Тони и ее коллегу — журналистку Веру Бриттен. Психологические описания бессмысленных страданий людей в XVII веке во многом основаны на собственном восприятии последствий войны в XX веке. Рыжеволосой, крепкого телосложения женщине с высоким лбом и испытующим взглядом, чей портрет Лоренс Гауинг написал в 1944 году, еще в юные годы довелось увидеть злосчастия людей, вынужденных покидать родные места, беженцев с паспортами Нансена. Она без устали помогала им в Англии в годы Второй мировой войны, оставаясь всегда страстным поборником прав человека. Блистательный мастер исторического повествования, Веджвуд описывает самые сложные проблемы и ситуации простым и доходчивым литературным языком. Ясность и совершенство прозы напоминают истори-

ческие шедевры героя одной из ее книг — Эдуарда Гиббона. Но выразительность ее художественного стиля, непревзойденное умение создать у читателя ощущение эпохи, пожалуй, могли взволновать и автора классической истории «Священной Римской империи». «Тридцатилетняя война» — лучшее эпическое произведение Вероники Веджвуд.

Энтони Графтон

ВСТУПЛЕНИЕ

В историческом исследовании неизбежно отражается эпоха, в которую оно написано, так же как и в любом другом литературном повествовании. Хотя материал историка ограничивает его в большей мере, чем новеллиста или поэта, он, как и они, опирается на собственный жизненный опыт и использует мыслительно-художественные образы, присущие как его индивидуальности, так и времени, в котором он живет.

Это вовсе не означает, что результат обязательно будет неверным или ошибочным; он скорее всего может быть неполным и предвзятым. Вследствие собственного мировоззрения и влияния окружающей среды историк, естественно, воспринимает отдельные аспекты предмета исследования лучше, чем другие. Он акцентирует на них внимание, потому что они представляются ему наиболее важными, и пренебрегает другими моментами, которые выходят за рамки его воображения и жизненного опыта.

Я писала книгу в тридцатые годы на фоне экономической депрессии у себя дома и нарастающей напряженности за рубежом. Тревоги этого тяжелого времени не могли не повлиять на оценку событий прошлого. Я писала, уже имея представление о том, как живет людям в бедных и заброшенных регионах, о тяжелой судьбе обездоленных и отверженных — двух миллионов безработных на моей родине,

беженцев из Германии, евреев и либералов. Видя страдания своих современников, я острее и явственнее осознавала горькую участь человека, жившего в годы Тридцатилетней войны, бесприютного, голодающего, напуганного насилем и чумой. Человеческие страхи и лишения, возможно, стали одним из главных мотивов моей книги.

Я нисколько не сожалею об этом. Несмотря на все гиперболизации и пропагандистские комбинации, сохранилось достаточно свидетельств, подтверждающих исключительно жуткий характер насилия, совершавшегося над человеком в этой войне. Как и двадцать лет назад, так и сейчас я убеждена в том, что политический историк должен в первую очередь вскрывать то, как политика правителей сказывается на судьбе человека, пробуждать у современников интерес и сочувствие к миллионам людей, живших в далеком прошлом.

Нельзя не коснуться и другой проблемы. Бедствия и человеческие страдания, вызванные Тридцатилетней войной, занимают особое место в традиционной интерпретации германской истории. Война преподносится как источник чуть ли не всех несчастий — экономических, социальных, национальных, нравственных. Обычно считается, что она задержала развитие германской цивилизации (трудно сказать, какой смысл вкладывается в это понятие) на двести лет. Позволю себе с этим не согласиться. Последствия Тридцатилетней войны для Германии, как правило, преувеличиваются. Экономический упадок в Германии начался задолго до войны, а политическая дезинтеграция была скорее одной из ее причин, а не следствием. Последствия войны не были столь масштабные, продолжительные и катастрофические, как это изображается в популярной литературе. Все это я постаралась отразить в первой и последних главах. Предоставляю читателю самому делать выводы.

В библиографических заметках я обращаю внимание читателей на некоторые новые исследования по данной теме. Однако за минувшие двадцать лет не появилось ничего такого, что могло бы изменить мои взгляды на войну. Ко-

нечно, на выбор предмета исследования и методологии определенное влияние оказала социально-политическая атмосфера тридцатых годов. Мое поколение, выросшее под психологическим воздействием тягостной памяти о Первой мировой войне, искренне верило в то, что все войны бессмысленные, бесполезные и ненужные. Я лично больше так не считаю, но по-прежнему убеждена: именно такой бессмысленной, бесполезной и ненужной была Тридцатилетняя война. Ее не следовало затевать, и она, собственно, ничего существенного не достигла. Да, в Западной Европе стала доминировать не Испания, а Франция, и это обстоятельство, безусловно, сыграло свою роль в истории Западного мира. Однако такой же результат можно было получить гораздо меньшими усилиями и потерями и без того, чтобы мучить войной целое поколение немцев, которым в общем-то не было никакого дела до проблем воюющих сторон. Несколько государственных мужей за пределами Германии время от времени вмешивались и направляли войну в то или иное русло, ни один государственный муж в самой Германии не осмелился остановить ее. Весь сумбурный и трагичный конфликт, тянувшийся тридцать лет, дает нам поучительный пример того, как опасны и губительны для народов тщеславные и безмозглые правители.

Лондон, 1956 год

С.В. Веджвуд